прежде всего, в их *рационализации.* При этом структура пословицы образуется за счет дублирования смысла: сначала прямое понятийное обозначение порока, затем образное его обыгрывание. Иначе говоря, в пословицу внедрена поясняющая часть. Примеры:

Ленивому Яшке и глотать-то тяжко
У **гулящей** Валечки каждый год по лялечке
У **болтливого** Миколки язык что метелка
Льстивый Пахом в душу влезет ужом
У **обжоры** Прошки ведерные ложки
Положи рыбки **ленивому** Архипке, да еще и косточки вынь
Сварливый Ефрем недоволен всем
Завистливый Федот все глядит в чужой огород
У **грязнули** Раи в доме, как в сарае
Проснулся **ленивый** Федот, а народ уж с работы идет
Хитрый Антоха такой пройдоха.

Нельзя не заметить, что добавочная рационализация подчас выглядит совершенно лишней: *«**Хитрый** Антоха такой **пройдоха**»* (два слова с одним значением, своеобразная стилевая параллель литературного и разговорного выражений*), «Проснулся **ленивый** Федот, а народ уж с работы идет»* (дублирование смысла с помощью параллелизма понятия и образной картинки).

В этой рационализации видится прямое следствие «первозданной» рефлексии: нынешний региональный автор поступает с фольклорным материалом так же, как когда-то первые поэты, вышедшие из фольклорной традиции в сферу профессионального творчества. Они производили рациональную обработку предшествующей мифопоэтики, то есть претворяли образ в понятие, так в свое время родилась поэтическая метафора – «иное сказывание» образа.

Созина Е.К.,
г. Екатеринбург

УРАЛО-СИБИРСКИЙ ДИСКУРС НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ЗАВОЛЖСКИЙ МУРАВЕЙ» (1832–1834)[1]

Как известно, провинциальная журналистика России ведет отсчет с журнала «Уединенный пошехонец» (1786). Журнал «Заволжский муравей» считается первым *частным* журналом литературно-художественной направленности в провинции. Издавался он в Казани университетскими преподавателями: адъюнктом российской словесности М.С. Рыбушкиным и адъюнктом латинской словесности М.В. Полиновским. За 1832–1834 гг. вышло 74 книжки журнала. Программа журнала была отражена в редакционной статье издателей: «…решились мы … приступить к изданию жур-

[1] Статья выполнена в русле проекта РГНФ № 160400118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX – первой трети XX века».

нала, назвав его: “Заволжский Муравей”, с тем намерением, что в нем преимущественно помещаемы будут статьи, к Заволжскому краю относящиеся»[1].

Среди корреспондентов журнала и авторов статей были жители не только собственно Казани и окрестных поселений, но и других городов обширной Российской империи: Перми, Нижнего Новгорода, Пензы, Уфы, Троицка, Тобольска, Иркутска, Красноярска, Елабуги, Саратова и др. Причем, по указанию В.В. Аристова, «из почти 70 известных нам авторов 45 (больше половины) были преподавателями, студентами или выпускниками Казанского университета…»[2]. В структуре издания выдерживались три, достаточно традиционных для журналов того времени, раздела: словесность, науки, нравы, в последнем предлагалось рассматривать «нравственные качества народов Заволжского края», их образ жизни, празднества, обычаи, быт и проч. В этом журнал был типичен для русских журналов того времени.

Но далеко не типичны были установки издателей журнала: по сути дела, они претендовали на то, чтобы быть рупором и зеркалом огромного Заволжского края – всей Восточной России. При этом они исходили из особым образом понимаемого положения своего города и университета. «…Университет Казанский в рассуждении местного положения своего находится как бы *в средоточии между Европою и Азией* (здесь и далее в цитатах без специального указания курсив наш. – *Е. С.*), и составляющие округ его губернии населены *народами Востока…*»[3], – писал М.С. Рыбушкин в одной из статей журнала. Вместе с тем, он же отмечал: «…Казань почитается как бы *Сибирским уже городом*»[4]. Отсюда парадоксальное, на первый взгляд, смешение в публикациях журнала сибирского и восточного дискурсов, которое определяло его программные стратегии. В рамках данной статьи мы остановимся на урало-сибирской теме «ЗМ» (здесь и далее – «Заволжский муравей»), имея, однако, в виду, что она тесно переплеталась с восточно-азиатской, особенно когда дело касалось изображения так называемых «инородцев» – коренных жителей той или иной местности. Следует также сказать, что наибольший интерес для исследователя пред-

---

[1] Заволжский муравей. 1832. Ч. 3. № 23. С. 1359. О журнале см.: *Пономарев П. А.* Казанская периодическая пресса. «Заволжский муравей» // Казанский литературный сборник. 1878. Казань, 1878. С. 177–222; *Куранов К. Н.* Особенности формирования жанров публицистики в казанской прессе первой трети XIX века // Жанры журналистики. Казань, 1972. С. 3–32; *Аристов В. В.* «За труд мой не ищу себе похвал и славы…» // *Аристов В., Ермолаева Н.*Все началось с путеводителя…: поиски литературные и исторические. Казань, 1975. С. 43–72; *Аристов В. В.* Журнал «Заволжский муравей» и его авторы // Казанская периодическая печать XIX – начала XX века: Библиографические указатели. Казань, 1991. С. 5–18. Представленную в последней книге роспись содержания с публикацией материалов журнала см.: Эл. ресурс http://libweb.kpfu.ru/z3950/lsl/muravey/rospis.htm

[2] *Аристов В. В.* Журнал «Заволжский муравей» и его авторы. С. 8.

[3] Заволжский муравей. 1833. Ч. 3. № 17. С. 962.

[4] Заволжский муравей. 1832. Ч. 1. № 1. С. 35.

ставляют материалы журнала не чисто художественного (беллетристического) свойства, а фактуального, имеющие под собой достоверную документальную основу: записки путешественников, описания городов и народов, исторические и этнографические экскурсы. Они несли читателю принципиально новую информацию и потому активно поддерживались редакторами и издателями всех ведущих российских журналов того времени. Художественные же произведения, публиковавшиеся на их страницах, чаще всего имели подражательный, вторичный характер: поэтический раздел заполнялся стихами весьма невысокого достоинства, прозаический – чаще всего переводными повестями и романами. «ЗМ» здесь не был исключением, поэтому и мы опираемся, главным образом, на те материалы, которые, выражаясь слогом нашего века, следует отнести к литературе non-fiction.

Итак, Сибирь для издателей и ряда авторов журнала была «своей» территорией в силу позиционируемой евроазиатскости, промежуточности Казани и Казанской губернии. Среди сибирских материалов издания условно выделяются два основных раздела: рассказы о городах и о народах, проживающих на той или иной территории. И те и другие чаще всего выполнены в русле записок путешественников – самого свободного литературного жанра, где информация о чужих краях и землях подкреплялась личным опытом автора и благодаря этому выглядела более достоверной и значимой.

В силу своеобразного представления о Сибири в материалах «ЗМ» к ней были отнесены города, сегодня выступающие как города Уральского региона. Урал как отдельный край в журнале не был представлен, несмотря на обилие авторов из различных уральских городов. Так, в описании г. Троицка «в коммерческом отношении» П. Жданов указывал, что город сей находится за Уральскими горами, т. е. уже в Сибири, «если принять естественной оной границей на Западе хребет Уральских гор»[1], то же отмечал Д. Сигов в «Вестях из Екатеринбурга», говоря о «золотосодержащих окрестностях» Урала[2]. Автор этого очерка, рассказывая «о публичных увеселениях ближних сибиряков», жителей Екатеринбурга, стремится снять распространенное «предубеждение», «будто бы от города Перми начинается уже дикая, необразованная Сибирь». На личном опыте он убедился, что это не так, «и, вместо предположения моего увидеть грубых сибиряков, познакомился почти с таким же образованным обществом, среди коего жил и в Москве»[3]. Отличие от москвичей он видит в языке уральцев – употребление в речи более «о», нежели «а», а в остальном – «тот же утонченный, образованный вкус во всем, то же искреннее гостеприимство, те же *пустые гостиные сплетни* (курсив автора. – *Е. С.*) и проч.». Отличительной чертой «здешних жителей» Сигов называет игру в бостон, но «лучше играть в бостон, чем давать большую волю болтливому языку, оскорбляющему слух,

[1] Заволжский муравей. 1834. Ч. 2. № 13. С. 266.
[2] Заволжский муравей. 1834. Ч. 2. № 14. С. 348.
[3] Там же. С. 348–349.

потемняющему рассудок…»[1]. Благодаря легкому перу Сигова, город оказался представлен исключительно со своей развлекательной стороны, однако примечательно стремление автора уменьшить дистанцию между столицей и провинцией, приблизить последнюю к центральной части страны.

Более содержателен анонимный очерк-статья «Описание города Екатеринбурга и его окрестностей». Он строится по образцу многих других статей и заметок, описывающих российские города; эта стратегия, принятая в периодической печати позапрошлого столетия, отвечала задаче освоения страны и познавательным интересам читательской публики (вспомним, как Пушкин отправил своего Онегина путешествовать и благодаря тому «пробежался» по многим городам Отчизны, о каждом оставив строку-примету). В начале очерка дается информация о расположении города, его истории, называется имя В. де Геннина, поставившего в 1723 г. Екатерининский железоделательный завод, скоро ставший заводом-крепостью, призванной отражать набеги башкир и татар. Исторический экскурс прерывается передачей впечатлений путешественника, при подъезде к городу наблюдающего его весь целиком с горы. Этот панорамный вид сверху задает автору дальнейшую перспективу следования приезжего по Екатеринбургу и рассказа о нем. Путешественник попадает прямо на «широкий прямой проспект, ведущий к плотине, близ которой расположены горные присутственные места»[2], знакомится с двумя его частями по обе стороны от Исети, следует по улицам, любуется каменными домами, среди которых особо выделяется усадьба Расторгуевых, церквами, монастырями. Происхождение и назначение города накладывает отпечаток на его облик, состав населения и род занятий жителей. Автор отмечает промышленно-торговый характер Екатеринбурга, большую долю раскольников среди населения, подчеркивает особый род занятий его жителей: «Ремесленный класс состоит, большею частью, из гранильщиков и оправщиков в металлы разных сибирских камней, как то: аметистов, аквамаринов, топазов и прочих»[3]. Говоря об одежде горожан, автор подмечает социально-идентификационную роль моды: то, как стригут мужчины волосы на голове, свидетельствует об их, так сказать, осознанном причислении себя к высшему или низшему обществу, – «несмотря на то, что оба общества имеют одинаковые понятия о настоящем образовании»[4].

В провинциальной (да и столичной) печати до публикации этого очерка можно найти немного описаний екатеринбургских горных заводов[5]. Неизвестный автор «ЗМ» подробно останавливается на ландшафтном расположении заводов – как они вписываются в общий вид города, и дает обзор Верх-Исетского завода, с которого начинался город и который теперь при-

---

[1] Там же. С. 350.
[2] Заволжский муравей. 1834. Ч. 3. № 22. С. 450.
[3] Там же. № 23. С. 494.
[4] Там же. С. 495
[5] См. об этом: Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000.

надлежит заводчику Яковлеву, Уктусского, Нижне-Исетского и Березовского, принадлежащих казне. Попутно описываются заводские и проч. здания, церкви, дачи, проспекты – словом, создается представление о Екатеринбурге как о большом, просторном, богатом и разнообразном городе, вдобавок окруженном рудосодержащими горами, речками с золотым песком, мраморными каменоломнями. Информации о городе, собранной в этом очерке, достаточно, чтобы понять, на каком основании позднее созревала мифология П.П. Бажова и других писателей и поэтов об Урале, а также характеристика города как чрезвычайно «бойкого места», данная тоже позднее Д.Н. Маминым-Сибиряком.

Из других урало-сибирских городов и мест в материалах журнала был затронут г. Ирбит[1], а также упомянут западно-сибирский Тобольск[2], но и тот и другой – преимущественно в историческом отношении. Более примечательны заметки о сибирских городах Я.И. Антропова, рисующие их с иной стороны, чем Екатеринбург или Чебоксары в соответствующих очерках. В «Отрывке из путевого журнала» Антропова дается эскизный портрет Красноярска, в котором автор выделяет «сибирский вкус в архитектуре», состоящий в свойственной многим сибирским городам «особенной бесхарактерности зданий»[3]. «…Однообразность строений, изменяющаяся только размером, невольно напоминает в каждом сибирском городе постоянство наших предков и служит новым доказательством того, что Сибирь во многом еще отстала от России Европейской»[4]. К этому добавляется медлительность изменений в городе, его «слепая почтительность к старине», патриархальность. Но, тем не менее, говорит автор, «не один житель Сибири, но и простой путешественник полюбуется Красноярском» – прямизной его центральной улицы с новыми домами, живописностью окрестных гор, правильными площадями. «Недостает только цели, для которой существуют и могли бы оживиться в большей деятельности производительные силы природы: нет людей, потреблением, нуждами, беспокойствами, самыми несправедливостями своими дающих жизнь всему их окружающему. Для чего бы западу, ужасающему своей населенностью, не поделиться многолюдством с востоком?»[5] – формулируется итоговый вопрос. О безлюдности Сибири в сравнении с европейской частью России будут писать многие: вопрос этот был оставлен веком предшествующим векам последующим и, судя по всему, не решен по сию пору.

В «Письме из Иркутска» того же автора функциональный подход путешественника к наблюдаемым городам и пространствам был продолжен. Письмо его рационально: он помышляет о возможностях развития края, о путях его сообщения, дорогах (которые крайне плохи – и спустя полвека

---

[1] О начале города Ирбита // Заволжский муравей. 1832. Ч. 1. № 6. С. 317–323.
[2] Словцов П. К С. С. Щукину. О Кучумовом городище в Тобольске // Заволжский муравей. 1832. Ч. 3. № 24. С. 1416–1423.
[3] Заволжский муравей. 1832. Ч. 3. № 21. С. 1184.
[4] Там же. С. 1185.
[5] Там же. С. 1190–1191.

останутся такими же, если верить А.П. Чехову и другим известным путешественникам по Сибири), о вулканическом происхождении Байкала и т. д., но не забывает полюбоваться природой, ибо она-то и есть главное в Сибири. Автор высказывает на первый взгляд парадоксальное мнение, которое, однако, прямо вытекает из всего предыдущего: «По-моему, не люди должны составлять главный предмет наблюдений в Сибири: число их ничтожно по отношению к пространству, а потому и гражданский быт их не может быстро продвигаться вперед; одна природа с грубыми, необделанными своими произведениями, проявляющая неисчислимые и разнообразные силы, стоит здесь полного внимания. На шаг от почтовой дороги, и уже забываешь о существовании человеческой деятельности, и если пропускать клочки пашни, то нетрудно забыть и о роде нашем»[1]. Но сама трудность жизни и тяжесть освоения края «подают и высокую идею о его <человека> могуществе, порабощающем все своему владычеству…»[2]. Этот край не поднять в одиночку. Поэтому, рассказывая о крепостях и поселениях Сибири, Антропов отмечает пестроту ее населения: «Тут встретите вы и русского крестьянина, и бурята, и сибирского козака»[3].

Этническое разнообразие сибирских жителей ярче всего утверждалось в очерках полковника А.П. Маслова. В «отрывке из статистических записок Енисейской губернии» под названием «Бродящие народы Туруханского края» на фоне описания огромных пространств Енисейского края, его природного изобилия обитающие там народности представлены в крайне невыгодном свете. «Племена, занимающие все сии места, погружены в глубочайшее невежество; у них нет никаких преданий, ни письменных, ни изустных; нет и признаков Богослужения; их страсти, мнения, образ жизни почти одинаковы. Что же остается делать этнографу, чтоб дознать истинное их происхождение? – Некоторые намеки чужестранных историков, сходство языка и догадки»[4]. Определив, таким образом, исходную ситуацию своего дискурса и свой метод, автор излагает мнения различных историков, с некоторыми из них соглашается, с иными спорит и выводит свое знание о происхождении сибирских «инородцев», подкрепляемое сходством языков. В позиции автора скрещиваются научный и колониальный, прогрессистский дискурсы. Последний особенно очевиден в рассказе о покорении Сибири казаками, благодаря чему «И обширнейшая дикая страна, сими ордами обитаемая, вошла в состав политического управления…»[5]. Ярмарки, магазейны, купеческие суда и проч. и проч. – лишь при учете всего этого и благодаря этому «дикая пустыня представится страною промышленности и деятельности народной»[6].

[1] Заволжский муравей. 1832. Ч. 2. № 14. С. 751.
[2] Там же. С. 752.
[3] Там же. С. 753.
[4] Заволжский муравей. 1833. Ч. 1. № 7. С. 392–393.
[5] Там же. С. 413.
[6] Там же. С. 415.

Маслов описывает различные народы Сибири: татар, тунгусов, остяков (в примечании издателя последние сравниваются с чувашами и черемисами, поскольку относятся к финскому этносу), самоядь, юраков, якутов или сахи. Безусловно, его очерки и сегодня обладают этнографической ценностью, но везде при характеристике Масловым народа в качестве позитивных качеств отмечаются «кротость» и «дружелюбие» – очевидно, проявляемые «инородцами» по отношению к русским. Сохраняется позиция внешнего наблюдателя, имеющего здесь свой кровный интерес и априори полагающего себя выше и развитее «инородцев». Хотя подчас автор способен занять критическую точку зрения. Так, в статье о Якутской области он пишет: «Нравственность якутов довольно испорчена, вероятно, от угнетений и обманов купечества. Они с лихвой платят русским за ввезенное ими к ним образование. <…> Они, зная, что русские почитают их детьми природы, не знающими ценности вещей и важности преступлений, употребляют это мнение как средство к прикрытию своего воровства»[1]. Не ограничиваясь констатацией фактов, полковник предлагает некоторые меры по улучшению состояния «инородцев»; однако меры эти, как и многие другие, идущие от лица русских писателей и культуртрегеров, так и остались на бумаге.

Оригинальный характер имеет статья Маслова «О ламах, кочующих в Забайкальском краю бурят шимегонианского исповедания и о догматах их веры»[2]. Автор возмущен тем, что ламы указанного исповедания забредают на территорию России и обращают в свою веру пребывающих в шаманизме «инородцев», которые в противном случае могли бы принять христианство. Он выступает и как исследователь: раскрывает веру лам, привнесенную, как считает, из Индии, а попутно – шаманистские представления сибирских народов, образ жизни лам, существующую между ними иерархию и т. д. Ламы для него безусловно вредны и требуют искоренения с территории России – они безнравственны и дурно влияют на всех, кто их окружает.

Иную позицию занимает П. Жданов, проживающий, по-видимому, в Троицке – южно-азиатской части Сибири, согласно тогдашней географии, и подробнейше описывающий не только свой город – «узел восточной полосы гор Уральских»[3], но и весь процесс торговых сношений со степными народами – их автор именует киргизцами или азиатцами. Письмо Жданова отличает добросовестность и беспристрастность: меновой двор в Троицке, образ жизни киргизцев, предметы их мены, маршруты караванов, идущих через Киргизскую степь из Коканда (у автора – Кокана или Кокалии) и Бухары, реки и пустыни, которые они преодолевают, товары, привозимые из Азии, – все становится равно интересным и достойным описания предметом. Достаточно объективно, безоценочно дан обобщенный портрет азиат-

[1] Заволжский муравей. 1834. Ч. 1. № 1. С. 36

[2] Заволжский муравей. 1832. Ч. 2. № 16. С. 888–902; ч. 3. № 18. С. 1012–1022; № 21. С. 1203–1218.

[3] Заволжский муравей. 1834. Ч. 2. № 13. С. 267.

цев. Пожалуй, две основные черты степных народов выделяет автор – кочевой склад их жизни: «Киргизцы, как улитки, перекочевывают с места на место со своими домами»[1] – и приверженность традиции: «…азиатцы не заботятся об усовершенствовании своих изделий; может быть, прошли целые века, как они постоянно следуют в отделке их своим обычаям и вкусу»[2]. Отмечая полезность торговли русских с азиатцами для обеих сторон, он выражает надежду на дальнейшее развитие и процветание этой «ветви народной промышленности».

Журнал стремился дать как можно более разностороннюю картину Восточной России. Кроме статей, критически оценивающих ближайших и дальних соседей русских, публиковались небольшие заметки с похвалой в их адрес: «Нечто о солонах»[3], где положительную оценку получали амурские племена солонов и дауров за их храбрость; «О честности остяков»[4] и т. д. По сути, здесь прослеживается родительско-отцовская позиция в адрес нецивилизованных народов, выступающих в роли неразумных, не получивших еще должного воспитания и образования «детей»: их нужно не только ругать, но и хвалить, подслащивать пилюлю, тогда эффект воспитания будет лучше. В стихах, посвященных сибирской тематике, на первый план выводился образ Ермака или казаков, осуществлявших колонизацию края. Коренные жители в этом случае получали однозначное имя «дикарей» – как, например, в стихотворении И. Петрова «Картина из времен завоевания Сибири» («В утесах скрылись *дикари*»)[5] – позднем рудименте романтической поэмы.

Широкий размах интересов издателей и редакторов поощрялся столичной публикой. В экспромтах С.Н. Глинки, обращенных к ним, мы находим одобрение позиции журнала, который «… Их мысль туда стремит, / Где дланью Ермаковой / Приобретен край новый, / Где золотое дно / В обилье нам дано, / А Муравью желанье, / Чтобы его собранье / За Волгой и везде / Влекло чтецов к себе»[6].

Зырянов О.В.,
г. Екатеринбург

ТВОРЦЫ «УРАЛЬСКОГО» ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Д.Н. МАМИН-СИБИРЯК И П.П. БАЖОВ (К ПРОБЛЕМЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ)

С именами указанных писателей – пожалуй, самых крупных в художественном отношении в рамках Уральского географического региона за истекшие два столетия (не меньше) – вполне закономерно связывается процесс формирования классической модели «уральского» текстарусской ли-

[1] Заволжский муравей. 1834. Ч. 2. № 14. С. 323.
[2] Заволжский муравей. 1834. Ч. 3. № 17. С. 42.
[3] Заволжский муравей. 1834. Ч. 2. № 14. С. 357–358.
[4] Там же. С. 358–360.
[5] Заволжский муравей. 1833. Ч. 1. № 3. С. 145.
[6] Заволжский муравей. 1833. Ч. 3. № 22. С. 1243.